

- Васильев В.П.** Описание Маньчжурии // Зап. РГО. – СПб., 1857. – Кн. 12. – С. 1–77.
- Васильев В.П.** Сведения о маньчжурах во времена династий Юань и Мин. – СПб., 1863. – 371 с.
- Горский В.** Начало и первые дела Маньчжурского дома // Тр. членов Русской духовной миссии в Пекине. – СПб., 1852. – Т. 1. – С. 295.
- Деревянко Е.И.** Мохэские памятники среднего Амура. – Новосибирск: Наука, 1975. – 250 с.
- Деревянко Е.И.** Троицкий могильник. – Новосибирск: Наука, 1977. – 223 с.
- Долгих Б.О.** Этнический состав и расселение народов Амура в XVII в. по русским источникам // Сб. ст. по истории Дальнего Востока. – М., 1959. – С. 125–142.
- Дополнение к актам историческим.** – СПб., 1846. – Т. 2. – 295 с.
- Дополнение к актам историческим.** – СПб., 1848. – Т. 3. – 557 с.
- Дьякова О.В.** Мохэские памятники Приморья. – Владивосток: Дальнаука, 1998. – 316 с.
- Дьякова О.В., Дьяков В.И., Сакмаров С.А.** Поздне-средневековая гончарная печь памятника Петровка-5 в Приморье // Традиционная культура востока Азии. – Благовещенск: Изд-во Амур. гос. ун-та, 2002. – Вып. 4. – С. 193–204.
- Ивлиев А.Л.** Погребения киданей // Центральная Азия и соседние территории в средние века: Сб. науч. тр. – Новосибирск: Наука, 1990. – С. 42–64.
- Лебедева Е.П.** Расселение маньчжурских родов в конце XVI и начале XVII в. // Учен. зап. Ленингр. гос. пед. ин-та им. А.И. Герцена. – 1957. – Т. 132. – С. 69–110.
- Маньчжурское владычество в Китае.** – М.: Наука, 1966. – 387 с.
- Медведев В.Е.** Приамурье в конце I – начале II тысячелетия: Чжурчжэньская эпоха. – Новосибирск: Наука, 1986. – 205 с.
- Мелихов Г.В.** Процесс консолидации маньчжурских племен при Нурхади и Абахэе (1591–1644 гг.) // Маньчжурское владычество в Китае. – М.: Наука, 1966а. – С. 111–116.
- Мелихов Г.В.** К истории проникновения маньчжуров в бассейн верхнего Амура в 80-х годах XVII в. // Маньчжурское владычество в Китае. – М.: Наука, 1966б. – С. 90–96.
- Надаров И.** Северо-Уссурийский край. – СПб., 1887. – 168 с.
- Палладий, Попов П.С.** Китайско-русский словарь. – Пекин: [Тип. Тунь-Вэнь-Гуань], 1888. – Т. 1. – 628 с.
- Памятники истории и культуры Приморского края: Материалы к своду.** – М.: Внешторгиздат, 1991. – 267 с.
- Рудаков А.В.** Поземельный вопрос в Гиринской провинции в связи с ее заселением (перевод Цзилинь тунчжи) // Изв. Вост. ин-та. – Владивосток, 1902. – Т. 3. – С. 396.
- Рудаков А.В.** Материалы по истории культуры в Гиринской провинции (1644–1902 гг.) – Владивосток: [Б.и.], 1903. – Т. 1. – 574 с.
- Соловьев Ф.В.** Китайские отходники и их географические названия в Приморье. – Владивосток: [Б.и.], 1973. – 281 с.

Материал поступил в редколлегию 26.11.04 г.

УДК 903.2

А.Ю. Борисенко¹, Ю.С. Худяков²¹ Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: aborisenko@ngs.ru² Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: khudjakov@ngs.ru

УЗДА С ПАМЯТНИКА ЧОБА-БАШ В ГОРНОМ АЛТАЕ

Введение

Со времени освоения верховой езды на рубеже позднего бронзового и раннего железного века кочевые народы степного пояса Евразии украшали принадлежности сбруи верховых коней. На памятниках археологических культур древних и средневековых кочевников Саяно-Алтая найдены многочисленные детали конского убранства, изготовленные из металла, кости, рога и дерева. Конская сбруя на протяжении существования кочевнических культур видоизменялась и совершенствовалась. Поэтому особенности ее функционально значимых и декоративных деталей являются важным хронологическим и этнокультурным показателем, различающим предметные комплексы древних и средневековых культур кочевников.

На территории Горного Алтая наборы металлических украшений конской узды, позволяющие выявить особенности конструкции оголовья из кожаных ремней, обнаружены на памятниках раннескифского времени [Шульга, 1998, с. 27–29]. Особой пышностью и вычурностью отличались декоративные детали узды в пазырыкской культуре Горного Алтая. Благодаря подкурганной мерзлоте в некоторых могилах, расположенных в высокогорных районах, были обнаружены не только металлические или роговые, но и деревянные резные украшения сбруйных ремней, передающие характерные образы скифского звериного стиля, эти фигурки обертывались золотой фольгой [Полосьяк, 1994, с. 44–56; Самашев, Мыльников, 2004, с. 217–224].

Значительно проще и незатейливее выглядели металлические декоративные детали конской узды в культурах первой половины I тыс. н.э. в Горном Алтае [Худяков, Скобелев, Мороз, 1990, с. 130–131; Бобров, Васютин А.С., Васютин С.А., 2003, с. 28]. Новый этап в развитии сбруйных украшений, в течение которого произошла смена трех стилей в оформлении металлической фурнитуры для уздечных ремней, выделяется в эпоху раннего средневековья. На памятниках кудыргинского типа, относящихся ко времени существования Первого Тюркского каганата, обнаружены бронзовые уздечные украшения, выполненные в геральдическом стиле [Худяков, Кочеев, 1997, с. 16]. Для последующего, катандинского этапа характерны декоративные детали с гладкой, неорнаментированной поверхностью и фигурными краями [Савинов, 1982, с. 115–116]. По мнению А.А. Тишкина и Т.Г. Горбуновой, “тюркская” традиция в оформлении конской амуниции отличалась “бедным” орнаментом или его отсутствием [2004, с. 61]. Однако в последующий период (VIII–X вв. н.э.), на курайском этапе развития древнетюркской культуры, так же как и в культурах уйгуров, енисейских кыргызов и кимаков, наблюдается настоящий расцвет растительной, зооморфной, орнитоморфной, антропоморфной орнаментации [Кызласов, Король, 1990, с. 96–140; Худяков, 1998, с. 33–37]. В это время предметы сбруйной фурнитуры изготавливались преимущественно из бронзы и иногда покрывались позолотой. В погребениях кочевой знати встречаются подобные изделия из благородных металлов.

В эпоху развитого средневековья в культурах степного пояса Евразии, в т.ч. Саяно-Алтая, получила распространение новая традиция: сбруйные принадлежности стали изготавливать из железа, инкрустировать серебром и украшать геометрическим орнаментом [Кызласов, 1983, с. 10]. Благодаря хорошей сохранности железных предметов, найденных на памятниках культуры енисейских кыргызов, подобные украшения изучены в комплексах Минусинской котловины [Худяков, 1982, с. 132–134]. Однако такие детали конской сбруи известны по кыргызским материалам и в других районах Саяно-Алтая, а также в кыпчакских комплексах Казахстана и в болгарских Восточной Европы [Акишев, Байпаков, 1979, с. 105; Руденко, 2001, с. 57–60].

Подобные сбруйные принадлежности продолжали широко использоваться тюркскими и монгольскими скотоводческими народами в периоды позднего средневековья и сохранились в традиционной культуре этих этносов вплоть до этнографической современности. На памятниках эпохи позднего средневековья наряду с обычными железными предметами конской сбруи иногда встречаются и бронзовые украшения узды. В составе уздечных наборов, характерных для традиционной материальной культуры теленгитов, выявлены двусоставные застёжки, составные тройники, пластины с шестилепестковыми розетками и прямоугольные накладки с одним треугольным окончанием [Савинов, 1977, с. 47]. Новыми формами украшений узды, известными по материалам памятников эпохи позднего средневековья в Горном Алтае и традиционной культуре кыргызов на Тянь-Шане, можно считать накладки в виде тройников, состоящих из широких прямоугольных пластин. Эти и другие накладки крепились вплотную к кожаным ремням таким образом, чтобы вся поверхность узды была покрыта металлическими украшениями. Изучению подобного уздечного набора с памятника Чоба-Баш в Горном Алтае посвящена настоящая статья.

Описание памятника и находок

Памятники, относящиеся к эпохе позднего средневековья, изучены в разных районах Горного Алтая. В 1982 г. захоронение в скальной расщелине в урочище Тожан на горе Межелик в окрестностях с. Ело в долине р. Урсул было доисследовано В.А. Кочеевым [1983, с. 153–154]. В 1991 г. в долине р. Ак-Алаха на плоскогорье Уюк В.И. Молодиным проводились раскопки погребальных памятников Бертек-9 и 20, датированных временем развитого и позднего средневековья [Древние культуры..., 1994, с. 127–129]. В 1996, 1997, 2001–2003 гг. Ю.С. Худяков исследовал одно впускное и четыре основных захоронения под округ-

лыми и овальными каменными насыпями в долинах рек Эдиган и Чоба, правых притоков р. Катунь [Борисенко, Худяков, 2003а, с. 13–25].

В 2001 г. Южно-сибирским отрядом Североазиатской комплексной экспедиции Института археологии и этнографии СО РАН был раскопан памятник Чоба-Баш, где в составе сопроводительного погребального инвентаря обнаружены своеобразные бронзовые уздечные накладки. Он расположен на высокой террасе правого берега р. Чоба, к востоку от дороги Чемал–Куюс, в 16,3 км от с. Куюс в Чемальском р-не Республики Алтай.

Могила до проведения раскопок представляла собой пологую, интенсивно задернованную каменную выкладку овальной формы, площадью $4 \times 2,5$ м, высотой 0,1 м, ориентированную длинной осью по линии запад–восток. Надмогильное сооружение состояло из одного слоя массивных скальных обломков (рис. 1). Среди камней встречались остатки тризны – фрагменты лепных керамических сосудов, обломки костей овец, крупного рогатого скота и лошадей. Под каменной выкладкой была узкая прямоугольная могильная яма, заполненная землей и камнями. В заполнении встречались кости домашних животных и фрагменты керамики. На дне могильной ямы находился скелет взрослой женщины, погребенной в вытянутом положении на спине, с согнутой в локте левой рукой, головой на восток. Тело умершей было положено на берестяное полотнище и перекрыто таким же по-

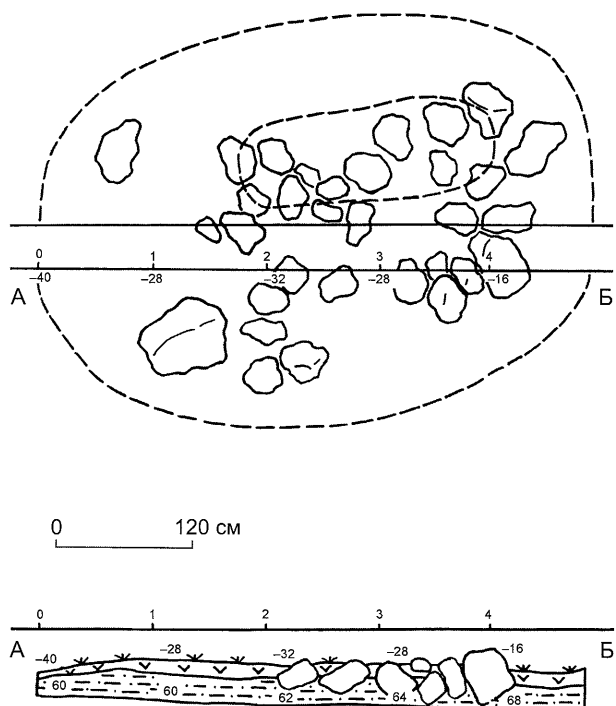

Рис. 1. План насыпи.

Рис. 2. Погребение.

лотником и жердями вдоль стенок могильной ямы (рис. 2, 3). На костях скелета находились украшения и бытовые предметы. При совершении погребения за головой умершей были помещены предметы сбруи: удила, уздечные ремни с накладками, железные стремена [Борисенко, Худяков, 2001, с. 254–256].

К числу принадлежностей конского оголовья относятся фрагменты сильно корродированных звеньев от железных двусоставных удили с массивными бронзовыми кольцами, на которых сохранились остатки кожаных ремней от узды и поводьев.

Двусоставные железные удила с кольчатыми псалиями в конском убрании кочевников Горного Алтая появились в эпоху раннего средневековья [Гаврилова, 1965, с. 80–81]. В развитом и позднем средневековье они были наиболее распространенной формой [Худяков, 1999, с. 185; 2003, с. 102]. Однако кольчатые псалии у таких удили, так же как звенья, практи-

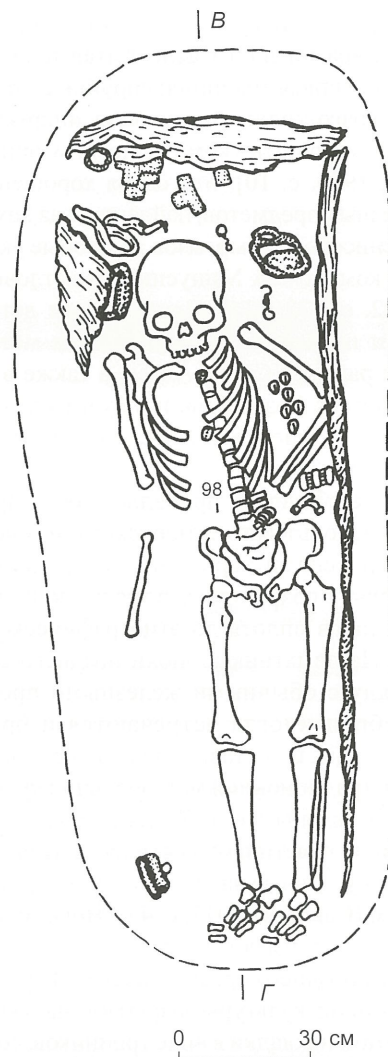

Рис. 3. План погребения.

чески всегда изготавливались из железа. Почему кольца чоба-башской узды были сделаны из бронзы, трудно сказать. Возможно, изготовитель стремился к тому, чтобы они соответствовали накладкам, сделанным преимущественно из бронзы, хотя в наборе сбруйных принадлежностей имеются и железные пряжки, кольца и накладки.

Деталими конского оголовья являются бронзовые тройники, пластины, пряжки. Тройники – распределители ремней – имеют отходящую в сторону дополнительную короткую пластину. Среди четырех тройников два выделяются наибольшими размерами: длина пластин 12,8 см, ширина 2,5–3 см, длина ответвлений 4 см, ширина 2,6 см. У каждого из них по два пирамидальных выступа на длинной пластине и по одному на ответвлении. По периметру тройников пуансонным инструментом нанесен орнамент в виде двух параллельных полос, состоящих из неглубоких

прямоугольных вдавлений. Выполнен он не очень умело. На некоторых участках вдавления смещены и отрезки линии не стыкуются, а заходят друг за друга. Создается впечатление, что в отличие от пирамидальных выступов, оформленных в процессе изготовления тройников, эта орнаментация была выполнена не мастером, а владельцем сбруи, в дополнение к уже существующему украшению. Тройники крепились к кожаной основе с помощью железных шпунтов с расклепанными шляпками. На длинной пластине располагались четыре такие заклепки, на ответвлении еще одна (рис. 4, 1; 5, 7; 6; 7).

Третий тройник имеет длинную пластину меньших размеров: один ее конец обломан. На ответвлении есть узкая прорезь, а под ней железная переключина. Длина сохранившейся части пластины 8 см, ширина – 2,5 см, длина ответвления 5 см, ширина – 2,5 см. С внутренней стороны тройника имеется железная прокладка. Длинная пластина украшена тремя пирамидальными выступами. На внешней ее стороне по периметру нанесен орнамент в виде двух параллельных прерывистых ли-

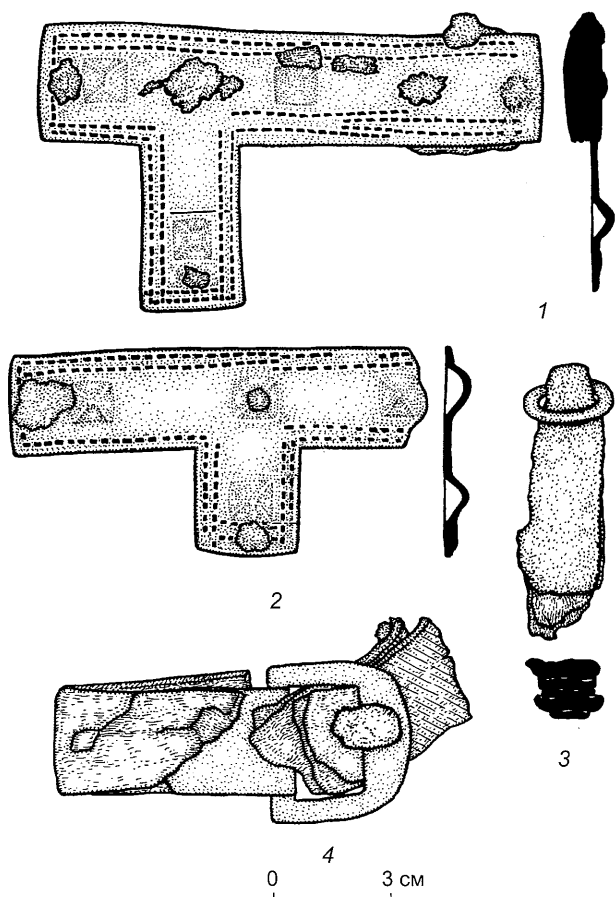

Рис. 4. Детали сбруи.

1, 2 – тройники; 3 – накладка с кольцом; 4 – пряжка.

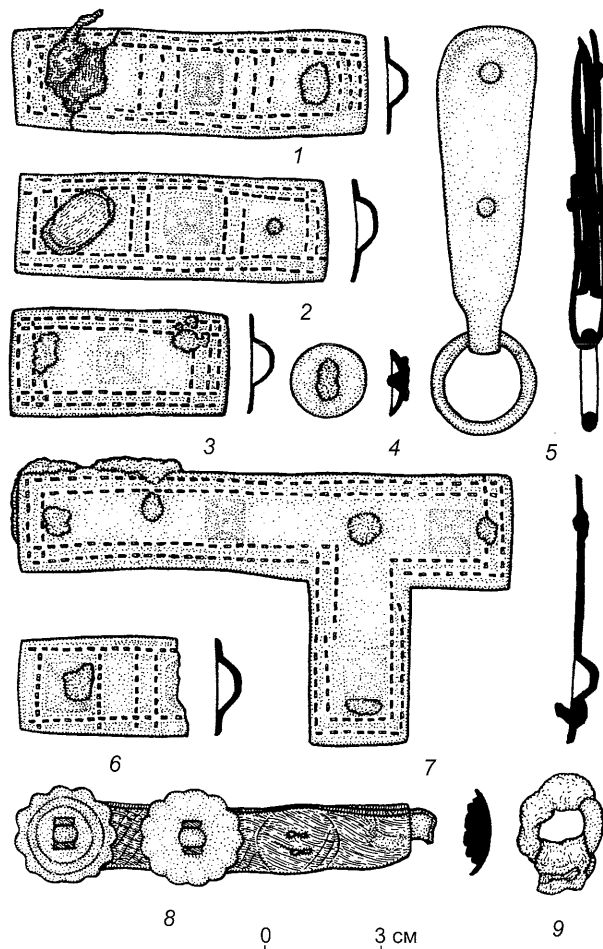

Рис. 5. Детали сбруи.

1–3, 6 – накладки; 4 – бляшка; 5 – накладка с кольцом;
7 – тройник; 8 – ремень с бляшками; 9 – кольцо.

ний из небольших вдавлений. На ответвлении такие линии есть с обеих сторон, но только до его середины, а пирамидального выступа нет. На тройнике имеются только две заклепки для крепления к кожаному уздечному ремню. Вероятно, на несохранившемся конце длинной пластины также была заклепка.

Четвертый тройник тоже сохранился не полностью: один конец длинной пластины обломан. Длина сохранившейся части 10,5 см, ширина 2,5 см, длина ответвления 2,5 см, ширина 2,5 см. На длинной пластине три пирамидальных выступа (на концах и в центре), на ответвлении один. Поверхность тройника украшена по периметру двойной прерывистой линией из небольших вдавлений. В некоторых местах они смещены и отрезки линии не стыкуются, заходя друг за друга. На одном конце длинной пластины линия только одна (см. рис. 4, 2).

Помимо тройников к уздечному набору могут относиться прямоугольные пластины разной длины, но примерно такой же ширины, что и пластины тройников.

Рис. 6. Тройники.

Самая крупная накладка имеет длину 9,2 см, ширину 2,6 см. В центральной ее части находится пирамидальный выступ. По периметру пластина орнаментирована двумя параллельными прерывистыми линиями из неглубоких вдавлений, на одном конце таких линий не две, а три. Орнаментальное поле пластины разделено на три квадратных отсека. Центральный, с пирамидальным выступом, отделен от двух крайних тремя прерывистыми линиями. Накладка крепилась к кожаному ремню оголовья с помощью железных заклепок на обоих концах пластины (см. рис. 5, 1).

Вторая накладка несколько меньше по размерам: длина 8 см, ширина 2,6 см. В центральной части пластины имеется пирамидальный выступ. По периметру накладка украшена орнаментом в виде двойной прерывистой линии из небольших вдавлений. Такие же линии делят орнаментальное поле пластины на три квадратных отсека. На обоих концах накладки имеются железные заклепки, с помощью которых она крепится к кожаному ремню оголовья (см. рис. 5, 2).

Третья накладка еще меньше по размерам: длина 5,7 см, ширина 2,7 см. В центральной ее части находится пирамидальной выступ. Накладка орнаментирована по длинным сторонам двойной прерывистой ли-

Рис. 7. Тройники, один с пряжкой.

нией, а по коротким – тройной. На обоих концах имеются железные заклепки для крепления к ремню оголовья (см. рис. 5, 3).

Четвертая накладка обломана. Длина сохранившейся части 4,4 см, ширина 2,6 см. На накладке два пирамидальных выступа: один на конце, другой на месте излома пластины, поэтому сохранился не полностью. Накладка орнаментирована по периметру прерывистой линией из неглубоких вдавлений. Целый пирамидальный выступ окаймлен со всех сторон прерывистой линией, образующей квадратный отсек, а обломанный отделен от остального орнаментального поля двумя такими линиями. На сохранившейся части накладки имеется одна железная заклепка для крепления к кожаному ремню оголовья. Ее шляпка находится на вершине полностью сохранившегося пирамидального выступа (см. рис. 5, 6).

В составе сбруйного набора имеется еще одна небольшая прямоугольная накладка с пирамидальным выступом в центре. Однако по ширине эта пластина значительно уже всех предыдущих. Поэтому она не могла крепиться к уздечным ремням, ширина которых, судя по размерам тройников и накладок, составляла ок. 2,5 см. Близкие по форме и орнаментации пластины были в составе украшений подфейного рем-

ня. Четыре такие накладки крепились к железному кольцу-распределителю. Одна обломанная пластина присоединялась с помощью петли к небольшому железному кольцу, в которое продевался сбруйный ремень. Эти накладки не могли относиться к числу уздечных украшений, поскольку отличались от них конструктивно или по своим размерам.

В состав узды должно было входить не менее двух пряжек. Одна из них крепилась на перекладине ответвления тройника, расположенного на нащечном ремне. Рамка и язычок пряжки не сохранились. Вероятно, они были изготовлены из железа и разрушились под воздействием коррозии. О расположении пряжки на этом ответвлении свидетельствует наличие железной перекладины и прорези на пластине, которая позволяла отводить железный язычок, крепившийся на перекладине. Еще одна пряжка с полуовальной бронзовой рамкой, плоским щитком и железным язычком должна была находиться на правом нащечном ремне. Длина ее рамки 3,5 см, ширина 4 см. Щиток пряжки прикреплен к кожаному ремню шириной 2,5 см. В рамку продет и закреплен на железном язычке двойной кожаный ремень шириной 2,5 см (см. рис. 4, 4; 8).

В составе сбруйного набора имеются еще несколько бронзовых пряжек с полуовальной рамкой, железным язычком, орнаментированными щитками в виде прямоугольных пластин с сердцевидными окончаниями и железные пряжки с прямоугольной рамкой и подвижным язычком. Среди бронзовых и железных сбруйных принадлежностей имеется железная пластина с бронзовым кольцом, бронзовая сферическая накладка и кольцо с остатками кожаного ремня (см. рис. 4, 3; 5, 4, 9). Вероятно, они должны относиться к седельным ремням, поскольку по оформлению и орнаментации накладок отличаются от тройников и пластин узды.

Судя по имеющимся находкам, в уздечном наборе из погребения Чоба-Баш было четыре тройника-распределителя, четыре накладки и две пряжки. Назначение и местоположение отдельных деталей в составе сбруйных украшений (см. рис. 5, 5, 8) не вполне ясно.

Реконструкция узды

Для реконструкции конского оголовья из погребения Чоба-Баш большое значение имеют хорошо сохранившиеся уздечки с металлическими удилами и накладками, характерные для традиционной культуры тюркских и монгольских народов.

На теленгитской узде скотоводов Сайлюгемской степи в Горном Алтае, изученной Д.Г. Савиновым, было два нащечных, наносный и подчелюстной рем-

Рис. 8. Пряжка.

ни с двусоставными застёжками, накладками, наносной пластиной и розеткой, составными тройниками [1977, с. 47]. Уздечные ремни, характерные для культуры населения Баян-Ульгийского аймака Монголии, украшены фигурными бляшками, накладками и четырехконечными распределителями в местах соединения наносного и подчелюстного с нащечными ремнями [Цултэм, 1987, рис. 126].

Наибольшее сходство в форме накладок и тройников у чоба-башской узды наблюдается с украшениями уздечных наборов кыргызов Тянь-Шаня. Подобные богато украшенные уздечки, хранящиеся в коллекции Государственного исторического музея Кыргызстана в г. Бишкеке, были изучены одним из авторов настоящей статьи. Для таких уздечек характерно наличие двух нащечных, затылочного, наносного и подчелюстного ремней, к которым крепились по четыре тройника, наносная бляха, по две пряжки и наконечники. Судя по этим находкам, два крупных тройника на чоба-башской узде крепились ответвлениями вверх на нащечных ремнях, а ответвления прикреплялись к наносному ремню в месте его соединения с нащечным. Третий тройник с пряжкой располагался ответвлением вниз на левом нащечном ремне вслед за большим тройником. Его ответвление с пряжкой, служившей для продевания и затягивания подче-

люстного ремня, находилось в месте соединения последнего с нащечным ремнем. Четвертый тройник располагался ответвлением вниз на правом нащечном ремне в месте его соединения с подчелюстным ремнем. Прямоугольные накладки располагались на наносном ремне посередине, между ответвлениями крупных тройников, на обоих нащечных ремнях, выше третьего и четвертого тройников, на затылочном ремне посередине. Бронзовая пряжка со щитком должна была находиться на левом нащечном ремне, выше прямоугольной накладки. В нее продевался и затягивался затылочный ремень (рис. 9).

Подобная узда не имела налобного и подшейного ремней. Ее конструкция выглядит упрощенной модификацией в сравнении с уздечками, характерными для кочевнических культур Саяно-Алтая и всей Центральной Азии в периоды раннего и развитого средневековья. У кыргызских уздечек между тройниками с ответвлениями, направленными вверх по наносному ремню, находилась широкая дугообразно изогнутая пластина с расширением и завитками в обе стороны. Она напоминает аналогичную по конструктивным особенностям наносную накладку на теленгитской узде [Савинов, 1977, с. 47, рис. 13, 7]. На кыргызских уздечках четыре тройника располагались на нащечных

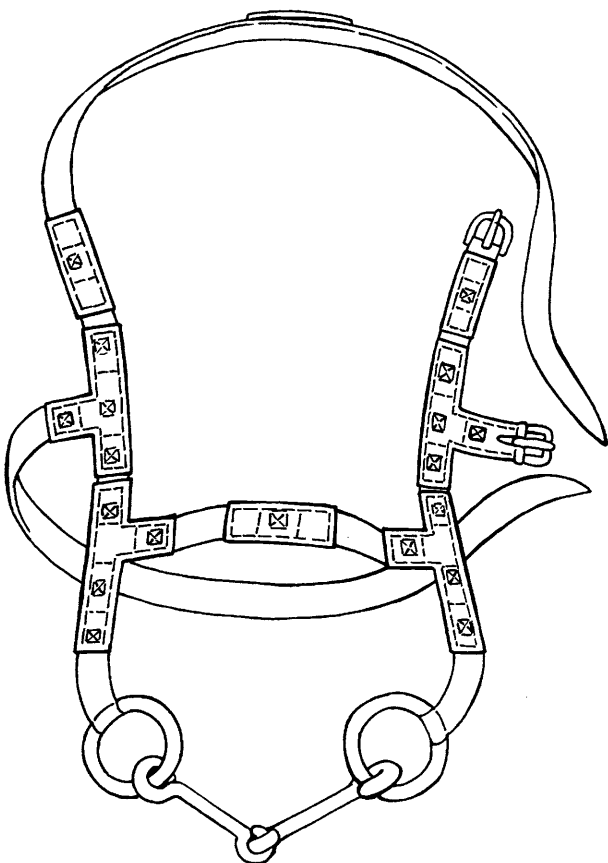

Рис. 9. Реконструкция узды с накладками.

ремнях попарно, аналогично тому, как реконструировано их расположение на оголовье из погребения Чоба-Баш, но на тройнике, находившемся на правом нащечном ремне в месте крепления подчелюстного, было две пряжки. Одна из них затягивала подчелюстную, другая – затылочный ремень. Концы этих ремней были оформлены плоскими орнаментированными наконечниками, посередине затылочного крепилась прямоугольная или иной формы дугообразно выгнутая пластина. В отличие от украшений узды из погребения Чоба-Баш, все тройники, накладки и наконечники на кыргызских оголовьях изготовлены из железа, украшены серебряной чеканкой и богато орнаментированы.

Развитие уздечных украшений у кочевников Горного Алтая в эпоху позднего средневековья

Конское убранство было важной частью материальной культуры кочевников Горного Алтая. В средневековый период, как отмечалось выше, оно постоянно развивалось, пережило несколько этапов своей эволюции. Однако конское убранство в различных кочевнических культурах изучено весьма неравномерно, т.к. в разной степени исследованы комплексы раннего, развитого и позднего средневековья. Наиболее хорошо представлены принадлежности конской сбруи на древнетюркских памятниках эпохи раннего средневековья. На основе изучения этих находок прослежены особенности конструкции конского оголовья, оформления и орнаментации металлических украшений узды [Худяков, Кочеев, 1997, с. 16; Худяков, Кочеев, Моносов, 1996, с. 50–52; Тишкин, Горбунова, 2004, с. 61].

На рубеже эпохи развитого средневековья кочевники Горного Алтая стали изготавливать сбруйную, в т.ч. уздечную, фурнитуру из железа. Железные накладки этого времени обнаружены здесь на памятниках культуры енисейских кыргызов [Худяков, 2001, с. 166–169]. Традиция изготовления сбруйных украшений из железа прослеживается в разных культурах кочевников Горного Алтая и в период позднего средневековья. В раскопанных в долине р. Эдиган одиночных захоронениях по обряду ингумации под каменными насыпями и впускных погребениях по обряду частичной кремации обнаружены железные сбруйные пряжки и накладки разных форм, в т.ч. уздечные: односторонне выпуклые с вогнутыми сторонами и овальными окончаниями; плоские прямоугольные с одним овальным окончанием или двумя, орнаментированные рядами поперечных полосок. Некоторые из них имеют на одном конце узкую прорезь для закрепления накладки с раздвоенным окон-

чанием. Одна накладка соединена с прямоугольной пряжкой и подвижным язычком [Борисенко, Худяков, 2003а, с. 37–38].

Уздечные наборы с памятников Кок-Эдиган и Эдиган-Баш имеют заметные отличия от Хоба-башского: они изготовлены из железа, иначе оформлены и орнаментированы. Это может свидетельствовать о том, что в оформлении сбруйных принадлежностей у населения Горного Алтая существовали и развивались различные тенденции. Наряду с традиционными для культур Саяно-Алтая железными деталями изготавливались и бронзовые украшения конского оголовья, а для их оформления использовались образцы, характерные для тюркских и монгольских кочевников западных районов Центральной Азии. Распространение новых форм сбруйных украшений подтверждает, что культура кочевого населения Горного Алтая не оставалась в стороне от изменений, которые происходили в культурах народов всего региона.

Основные элементы уздечного набора из погребения Чоба-Баш находят аналогии в убранстве верхнего коня у кыргызов Тянь-Шаня. Это сходство носит системный характер, а различия относятся к отдельным второстепенным деталям. Возможно, они объясняются использованием для изготовления сбруйных принадлежностей разных металлов. Чоба-башская узда стадияльно и хронологически должна предшествовать более развитым и законченным формам кыргызских уздечных наборов, что позволяет отнести ее к эпохе позднего средневековья или начальному этапу формирования традиционных этнографических культур некоторых этнических групп южных алтайцев, теленгитов или алтай-кижи. Рассматриваемые материалы подтверждают мнение многих ученых, языковедов, фольклористов и этнографов о наиболее значительном сходстве культур кыргызов и алтайцев в сравнении с культурами других тюркских народов [Асанканов, 2003, с. 17–18; Алымкулова, 2003, с. 131–139].

Заключение

Богато украшенная узда и другие принадлежности сбруи, вещи бытового назначения и детали костюма женщины, погребенной в одиночной могиле на р. Чоба, должны относиться к культуре одной из этнических групп южных алтайцев, теленгитов или алтай-кижи, о чем свидетельствует весь предметный комплекс памятника Чоба-Баш, в особенности женские украшения и принадлежности костюма, имеющие точные аналогии в одежде и аксессуарах именно этих этнических групп алтайцев [Борисенко, Худяков, 2003б, с. 165].

Рассмотренные выше принадлежности узды позволяют сделать вывод об устойчивых культурных связях кочевого населения Горного Алтая в эпоху позднего средневековья с тюркскими и монгольскими народами западных районов Центральной Азии, в т.ч. западными монголами-ойратами и кыргызами Тянь-Шаня. Вероятно, эти контакты относятся ко времени усиления Джунгарского ханства и его экспансии в направлении Восточного Туркестана и южных районов Алтая, когда земли, населенные теленгитами и тянь-шаньскими кыргызами оказались в зоне влияния джунгаров. Реконструированная чоба-башская узда представляет собой один из этапов развития сбруйных украшений, бытовавших в эпоху позднего средневековья.

Список литературы

- Акишев А.К., Байпаков К.М.** Вопросы археологии Казахстана. – Алма-Ата: Мектеп, 1979. – 159 с.
- Алымкулова С.К.** Общность в материальной культуре алтайцев и кыргызов // Материалы Международной археолого-этнографической экспедиции, посвященной 2200-летию кыргызской государственности. – Бишкек: Кыргыз. гос. пед. ун-т им. И. Арабаева, 2003. – С. 126–147.
- Асанканов А.А.** Кыргыз: этногенетические и этнокультурные связи с народами Саяно-Алтая (к постановке проблемы) // Материалы Международной археолого-этнографической экспедиции, посвященной 2200-летию кыргызской государственности. – Бишкек: Кыргыз. гос. пед. ун-т им. И. Арабаева, 2003. – С. 13–25.
- Бобров В.В., Васютин А.С., Васютин С.А.** Восточный Алтай в эпоху Великого переселения народов (III–VII века). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. – 224 с.
- Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С.** Чоба-Баш – новый памятник эпохи позднего средневековья на средней Катунь // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. – Т. 7: Материалы годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН. – С. 253–257.
- Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С.** Изучение археологических памятников позднего средневековья в долине р. Катунь в Горном Алтае // Археология Южной Сибири и Центральной Азии позднего средневековья. – Новосибирск: ООО РТФ, 2003а. – С. 10–45.
- Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С.** Украшения и принадлежности женского костюма из позднесредневекового погребения Чоба-Баш в Горном Алтае // Древности Алтая: Межвуз. сб. науч. тр. – Горно-Алтайск: Изд-во Горно-Алт. гос. ун-та, 2003б. – № 11. – С. 160–169.
- Гаврилова А.А.** Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. – М.; Л.: Наука, 1965. – 146 с.
- Древние культуры Бертековской долины (Горный Алтай, плоскогорье Укок) / А.П. Деревянко, В.И. Молодин, Д.Г. Савинов, Т.С. Балуева, С.К. Васильев, И.Е. Гребнев, Б.В. Мельников, В.П. Мельников, А.В. Новиков, И.В. Октябрьская, Н.В. Полосьямак, И.Ю. Слосаренко, А.И. Соловьев, А.В. Чайко, Д.В. Черемисин, Т.А. Чикишева.** – Новосибирск: Наука, 1994. – 224 с.

- Кочеев В.А.** Погребение II тыс. н.э. у с. Ело // Археологические исследования в Горном Алтае в 1980–1982 годах. – Горно-Алтайск: Горно-Алт. науч.-исслед. ин-т ист., яз. и лит., 1983. – С. 153–162.
- Кызласов И.Л.** Аскизская культура Южной Сибири X–XIV вв. – М.: Наука, 1983. – 126 с. – (САИ; Вып. Е 3-18).
- Кызласов Л.Р., Король Г.Г.** Декоративное искусство средневековых хакасов как исторический источник. – М.: Наука, 1990. – 216 с.
- Полосьмак Н.В.** “Стережущие золото грифы”: (Ак-Алашинские курганы). – Новосибирск: Наука, 1994. – 125 с.
- Руденко К.А.** Тюркский мир и Волго-Камье в XI–XIV вв.: Изделия аскизского круга в Среднем Поволжье: Исследование и каталог. – Казань: Заман, 2001. – 256 с.
- Савинов Д.Г.** Из истории убранства верхового коня у народов Южной Сибири (II тысячелетие н.э.) // СЭ. – 1977. – № 1. – С. 31–48.
- Савинов Д.Г.** Древнетюркские курганы Узунтала (к вопросу о выделении курайской культуры) // Археология Северной Азии. – Новосибирск: Наука, 1982. – С. 102–122.
- Самашев З., Мыльников В.** Деревообработка у древних скотоводов Казахского Алтая (материалы комплексного анализа деревянных предметов из кургана 11 могильника Берел). – Алматы: ОФ “Берел”, 2004. – 312 с.
- Тишкин А.А., Горбунова Т.Г.** Методика изучения снаряжения верхового коня эпохи раннего железа и средневековья. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2004. – 126 с.
- Худяков Ю.С.** Кыргызы на Табате. – Новосибирск: Наука, 1982. – 239 с.
- Худяков Ю.С.** Искусство кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск: Изд-во Новосибир. гос. ун-та, 1998. – 120 с.
- Худяков Ю.С.** Позднесредневековое впускное погребение на могильнике Кок-Эдиган // Алтай и Центральная Азия: культурно-историческая преемственность: Материалы Международ. науч. конф. – Горно-Алтайск: Горно-Алт. ин-т гум. исслед., 1999. – С. 180–193.
- Худяков Ю.С.** Предметный комплекс из памятников кыргызов XI–XII вв. в Горном Алтае // Алтай и сопредельные территории в эпоху средневековья. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2001. – С. 161–171.
- Худяков Ю.С.** Кок-Эдиган – новый памятник кыргызской культуры в Горном Алтае // Археология и этнография Алтая. – Горно-Алтайск: Ин-т алтаистики им. С.С. Суразакова, 2003. – Вып. 1. – С. 99–109.
- Худяков Ю.С., Кочеев В.А.** Древнетюркское мумифицированное захоронение в местности Чатыр у с. Жана-Аул в Горном Алтае // Гуманитарные науки в Сибири. Сер. Археология и этнография. – 1997. – № 3. – С. 10–18.
- Худяков Ю.С., Кочеев В.А., Моносов В.М.** Балтарганские находки // Гуманитарные науки в Сибири. Сер. Археология и этнография. – 1996. – № 3. – С. 46–53.
- Худяков Ю.С., Скобелев С.Г., Мороз М.В.** Археологические исследования в долинах рек Ороктой и Эдиган в 1988 году // Археологические исследования на Катунь. – Новосибирск: Наука, 1990. – С. 95–150.
- Цултэм Н.** Декоративно-прикладное искусство Монголии. – Улан-Батор: Госиздательство, 1987. – 155 с.
- Шульга П.И.** Раннескифская упряжь VII – начала VI в. до н.э. по материалам погребения на р. Чарыш // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1998. – С. 25–49.

Материал поступил в редколлегию 2.12.04 г.